

ЖЕНСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)*

Статья посвящена основным чертам женской крестьянской преступности в России пореформенного периода. Актуальность тематики обусловлена имеющими место параллелями между современным состоянием российского общества, в котором в трансформированном виде во многом сохраняются крестьянские ценности и менталитет, и состоянием общества на рубеже XIX–XX вв. Значение женщины в крестьянской жизни было столь же определяющим, сколь и значение мужчины. Происходившие в пореформенный период коренные перемены в жизни страны через призму женского девиантного поведения предстают в новом ракурсе, что способствует более глубокому пониманию российского прошлого и его воздействия на настоящее.

Ключевые слова: женщина-крестьянка, обычное право, официальное законодательство, преступность, женщина-преступница

Начало гендерной истории и антропологии в российской гуманитаристике было положено научными трудами Натальи Львовны Пушкаревой. Широта ее профессиональных интересов поражает. Во многом благодаря Наталье Львовне, ее поддержке и дружескому участию появилась и эта статья.

* * *

Исследования гендерной проблематики, «женской истории» выходят сегодня на передний край в гуманитарных науках по всему миру вследствие общей либерализации жизни и усиления внимания к женскому сообществу как таковому. Для России этот интерес усиливается и в связи с исчезновением идеологического пресса, оказывавшего немалое давление на все сферы деятельности, в том числе и на научные исследования. Преступность как социальное явление неизменно сопровождает общество на протяжении всего его развития, она исторически непостоянна и теснейшим образом связана с экономическими и социальными изменениями. В последние десятилетия на Западе изучению этого феномена уделяется значительное внимание, анализу динамики преступности и ее конкретным проявлениям посвящено большое

Мухина Зинара Зиевна – д.и.н., профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ МИСиС (СТИ НИТУ «МИСиС»). Эл. почта: mukhiny@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0002-2226-1864>.
Zinara Z. Mukhina – Sary Oskol Institute of Technology. E-mail: mukhiny@mail.ru. <http://orcid.org/0000-0002-2226-1864>

* Статья была опубликована на англ. яз. – Zinara Z. Mukhina. Peasant Women Crime in Russia (the Second Half of the XIX – First Half of the XX Century) // Codrul cosminului. Nev Series. 2016. Vol. XXII. № 1, Julu. Pp. 57–70

количество статей и монографий, хронологически охватывающих несколько веков. Историографию вопроса можно найти в работе К. Эмсли и Л. Кнаффа (*Emsley, Knaffa* 1996). Но, к сожалению, в этом ряду совсем немного исследований о преступности в дореволюционной России (*Остроумов* 1960; *Миронов* 1998). Практически отсутствует какое-либо целенаправленное изучение женской крестьянской преступности, и данная работа призвана в какой-то мере восполнить указанный пробел.

Следует подчеркнуть, что понимание прошлого России требует глубоких исследований крестьянского общества. Это обусловлено тем, что, несмотря на известные политические и социальные события в России XX в., коренным образом изменившие уклад жизни в деревне, менталитет и ценности крестьянства в трансформированном виде во многом сохраняются и сегодня. Значение женщины, даже при ее подчиненном положении, во всех областях крестьянской жизни было таким же определяющим, как и значение мужчины. В пореформенный период в жизни страны происходили коренные социально-политические, экономические, правовые и культурные перемены. Через призму девиантного поведения эти перемены предстают в новом ракурсе. 70-летнее правление коммунистического режима в России, особенно в первые свои десятилетия, сопровождалось очевидным возвратом к прошлому. В деревне фактически возродилось «крепостное право». Можно сказать, что между состоянием российского общества на рубеже XIX–XX вв. и его состоянием в начале XXI в. прослеживаются определенные параллели. Все это вместе со сказанным выше делает актуальной тему настоящей работы.

Вопрос о крестьянской, в частности женской, преступности довольно сложен, что обусловлено несколькими факторами: существованием в пореформенной России двух систем правовых отношений – обычного права и официального законодательства; непостоянством положений последнего, связанной с изменением взглядов на преступные действия вплоть до легализации некоторых из них; особенностями крестьянских мировосприятия и психологии. Прежде чем перейти непосредственно к женской преступности, будет уместным дать краткую характеристику взглядов и жизненных принципов, диктовавших поведение в деревенской среде.

Крестьянское правосознание в значительной степени определялось нормами обычного права – сформировавшегося на основе обычаев неформализованного, неписаного свода правил, санкционированного государством. Нормы обычного права вследствие локальных традиций и особенностей обладали очень широкой вариативностью, они были призваны регулировать хозяйственные и поземельные отношения, вопросы семейно-бытового и отчасти уголовного характера, определять многие морально-этические аспекты поведения каждого члена общины. Обычное право представляло собой целую систему, включавшую виды наказания, способы дознания и раскрытия преступлений (часто основанных на суевериях) и даже методы их предупреждения (*Астров* 1889; *Виноградова* 1995; *Антипов* 1905; *Тенишев* 1907: 152, 156–159; *Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 7. Ч. 3: 29; *Крюкова* 2012: 143). Подходы обычного права и официального законодательства к одному и тому же явлению могли различаться по целому ряду позиций – среди них отношение к собственности. Подчеркнем, что в крестьянском правосознании земля, лес и пр., т.е. все, что создано самой природой, обычно не признавалось чьей-либо собственностью, поэтому к посягательствам на природные ресурсы деревенское сообщество относилось весьма снисходительно: «Лес Бог растил» (*Белогриц-Котляревский* 1890: 29; *Баранов, Ко-*

новалов 2004–2011. Т. 2. Ч. 1: 45; Т. 2. Ч. 2: 268; Т. 3: 29, 36, 349; *Фирсов, Киселева* 1993: 59). В крестьянской среде не всегда отличали преступление от греха (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 1: 420; Т. 2. Ч. 1: 46, 48, 561; Т. 2. Ч. 2: 268; Т. 3: 219, 349; *Фирсов, Киселева* 1993: 58; *Титов* 1888: 93–94). Поясним: в народе грех понимался как нарушение нравственности и христианского закона, за что человек наказывается волей Божьей на этом или на том свете; высшие силы могли наслать смерть, болезни, паралич, стихийные бедствия (*Толстой* 1995: 544–545).

Отличия между обычным правом и официальным законодательством были значительными. Так, например, по закону обольщение девушки с обещанием на ней жениться относилось к преступным деяниям и за него предусматривалось тюремное заключение от года четырех месяцев до двух лет; при рождении ребенка отец также нес за него ответственность (ст. 50, 1531) (Уложение о наказаниях 1892: 52, 612), в деревенской же среде это считалось грехом. Или еще один пример: с позиций обычного права, но не официального законодательства, сбор ягод до назначенного крестьянским сходом срока мог квалифицироваться как тяжкое преступление, влекущее за собой жестокое наказание. Так, в д. Хлебаева (Череповецкого уезда Новгородской губ.) сход разрешил сбор брусники с 25–27 августа. Вдова Дросида Анисимова нарушила сроки, и была наказана: ее раздели донага, повесили на шею корзинку с отобранными у нее ягодами и повели по улицам с криком, смехом, песнями, ударяя в сковородки, тазы и т.д. После этого бедная женщина несколько дней болела, но не посмела никому пожаловаться (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 7. Ч. 3: 32). Причина такой жестокости в том, что в данном случае были задеты материальные интересы всей деревни, поскольку крестьяне запасали бруснику на зиму, а для некоторых она являлась предметом торговли.

Из особенностей крестьянского мировосприятия, связанных с рассматриваемыми вопросами, в первую очередь следует отметить отношение к обману и мошенничеству. Обмеры, обвесы и другие обманы в торговле не считались преступными действиями, к ним относились как к «особому счастью», проявлению ума и находчивости, что отражалось в известных поговорках: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал», «Не надуть – выгодно не продать» (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 2. Ч. 1: 45; Т. 2. Ч. 2: 270; Т. 3: 349; Т. 7. Ч. 2: 621; *Фирсов, Киселева* 1993: 59). Изобретательность при этом была поразительной: перед продажей высушенные грибы на сутки клали в сырое место, что увеличивало их вес на 10–20%; в сливочном масле растворяли соль, причем делали это в середине куска, и на вид такое масло ничем не отличалось от обычного (подобной операцией добивались увеличения массы до 30%). Сливочное масло довольно часто становилось объектом фальсификаций. Так, зимой, когда оно было белого цвета, к нему подмешивали протертый вареный картофель, а весной, когда масло становилось более желтым, в него добавляли морковь. Иные женщины не гнушались класть в середину большого куска масла камень (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 7. Ч. 2: 167). В хронике одного волостного суда в Череповецком уезде Новгородской губ. зафиксирован случай, когда крестьянка предлагала одну и ту же корову трем разным лицам: с двоих она взяла задаток, а третьему продала. Поскольку все происходило без свидетелей, мошенница осталась безнаказанной (*Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 7. Ч. 2: 113).

Характерно для крестьянского правосознания и своеобразное восприятие чести/бесчестья: только в тех случаях, когда преступление становилось известным началь-

ству и было доведено до суда и наказания, виновный в глазах окружающих считался обесчещенным. Слово «арестант» было бранным, заключением в тюрьму могли попрекать долгие годы (Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 7. Ч. 1: 87). В 1895 г. в одной из деревень Демьянского уезда Новгородской губ. крестьяне украли несколько десятков мешков муки, причем были замешаны в этом почти все. Однако к ответственности привлекли лишь троих, не успевших припрятать украденное; они по несколько месяцев просидели в тюрьме. В общественном мнении «честь потеряли» лишь эти трое – «олухи», их без зазрения совести называли ворами, острожниками (Баранов, Коновалов 2004–2011. Т. 7. Ч. 1: 399–400).

Очень непростым является вопрос об уровне преступности. По замечанию Б.Н. Миронова, «уровень преступности» – скорее теоретическое понятие, поскольку общее число совершенных правонарушений никогда точно не известно (Миронов 1998: 25). Для крестьянства ситуация усугублялась существованием двух правовых систем, особенностями жизни и быта, непосредственно влиявшими на правосознание, и расплывчатостью представлений о приемлемости тех или иных действий. Последнее особенно ярко проявлялось в неопределенном уровне допустимого бытового насилия над женщинами. «Учение» жены или ревность порой доходили до степени крайней жестокости и сопровождалась увечьями, но это, по представлениям сообщества, могло квалифицироваться лишь как небольшой грех. Поэтому данные уголовной статистики (которые принципиально могут быть лишь приближенными) допускают дополнительную степень свободы по отношению к крестьянской преступности.

Согласно криминальной статистике, число зафиксированных преступлений в период с 1803–1808 гг. по 1911–1913 гг. возросло почти в 12 раз, тогда как население страны увеличилось лишь в 2,9 раза. Нужно иметь в виду, что главным образом за счет недоучета правонарушений крестьян уровень мелкой преступности в приведенных данных был занижен в несколько раз (Миронов 1998: 27, 30). В 1900 г. общее число уголовных дел по сравнению с 1884 г. увеличилось на 48%, тогда как рост населения в целом по стране составил 24–25%. Если рассматривать отдельные регионы России, то в Московском промышленном районе преступность выросла на 23, в Черноземном центре – на 22, в Петербургском районе – на 17, в Волжско-Камском районе – на 14%. На всех этих территориях рост преступности также опережал рост населения (Гернет 1974б: 43).

После эмансипации крестьянства проявилась тенденция к дальнейшему росту уровня преступности. Деформация патриархального строя вела к ослаблению устоявшихся традиционных связей и отношений. Девиантное поведение парадоксальным образом сочеталось с прежними нормами, установками и суевериями. Пробуждение чувства личного достоинства, желание освободиться от контроля старших способствовали росту мелкой преступности, в том числе среди молодежи и женщин. Но главным фактором, влияющим на повышение этого показателя в пореформенный период, стало освобождение огромного числа людей от крепостного рабства. Появились более широкие возможности для частной инициативы и предприимчивости, что расширяло рамки дозволенного и благоприятствовало проявлению отклоняющегося от принятых норм поведения, в том числе и в криминальной форме. Важным фактором роста преступности среди крестьянства в конце XIX – начале XX в. стала деформация крестьянской общины, приведшая к распаду ее внутренних связей и ослаблению контроля над ее членами. Выход за пределы сообщества увеличивал

вероятность остаться безнаказанным после совершения бесконтрольных проступков и характеризовался меньшей сдержанностью в поведении; прежде подавляемые агрессивные импульсы вели к нарушению общепринятого, традиционного общественного порядка (*Мионов* 1998: 27, 30, 38; 2000. Т. 2: 96). Переходный характер пореформенной деревни привел к нарушению стабильности установленного порядка вещей, а ослабление устоев патриархального строя обусловило рост преступности (*Библиография* 1889: 143–144; *Ратов* 1899: 17).

В крестьянской среде неволя и бесправие служили питательной почвой для женских преступлений, в том числе и тяжких. Жены, доведенные до отчаяния, убивали или покушались на жизнь своих супругов (*Весин* 1891: 51; *Капустин* 1902: 11). К убийству мужей нередко вело то, что девушек выдавали замуж в очень юном возрасте, совершенно не считаясь с их сердечными склонностями (*Тарновская* 1902: 1–3, 94, 95). Сын, застав отца в момент прелюбодеяния, убил его с помощью матери; свояк удавил свояка по просьбе жены последнего и вместе с ней вывез труп за селение; сестра зарезала ночью сестру за то, что та рассказала матери о ее распутной жизни (*Максимов* 1869: 50–51). Женщина убивала больного мужа, чтобы не заботиться о нем и не кормить лишний рот (*Тарновская* 1902: 98). Меньшая по сравнению с мужчинами физическая сила, сам образ жизни женщины – на ней лежало все домашнее хозяйство, приготовление пищи – предопределяли и средства совершения убийства. Если мужчины использовали удар кулаком в висок, удар топором, удушение, то женщины действовали, не применяя грубую физическую силу. Они планировали преступление заранее, часто прибегали к яду (обычно это были мышьяк, сулема или черемица) (*Гернет* 1974а: 255, 286; *Тарновская* 1902: 194; *Максимов* 1869: 50–51; *Баранов, Коновалов* 2004–2011. Т. 7. Ч. 2: 349). Распространенным способом убийства мужей было т.н. запаривание. Далеко не все крестьяне ходили в баню, часто они мылись дома в печи. Когда муж залезал в печь, жена могла закрыть задвижку на трубе, подпереть чем-нибудь заслонку и отправиться к соседке. Возвратившись, она открывала печь и поднимала вой на всю деревню: муж запарился сам, пока ее не было дома. Доказать такое преступление было крайне трудно (*Балов* 1903: 21).

Побуждением к преступлению могли быть поддерживаемые в деревенском сообществе представления о святости и нерасторжимости брака, а также крайняя затрудненность разводов (*Титов* 1888: 101; *Тарновская* 1902: 110–111, 180–182; *Бобров* 1885: 321–322). Исследователь женской преступности К.В. Давыдов писал еще в 1906 г., что количество мужеубийств в крестьянской среде уменьшится при облегчении разводов и допущении девушек к вступлению в брак лишь по достижении ими половой зрелости, уравнивании прав жены и мужа в брачном союзе, отмене всяких запретов на свободу передвижения (*Давыдов* 1906: 35). Жертвами преступлений со стороны женщин становились и другие члены семьи (РГИА. Ед. хр. 5678, 8460). В качестве примера можно привести отравление свекровью своей невестки – жены младшего сына. Невестка пришла из бедной семьи, была красива, нравилась своему мужу, но проявляла строптивость. Через полгода после свадьбы отношения ее со свекровью крайне обострились, и произошла трагедия (*Тарновская* 1902: 140–142). Конечно, имели место и убийства из корыстных побуждений, но они были характерны не только для крестьян, и в них женщина чаще выступала лишь как пособник (*Тарновская* 1902: 106–108, 119).

По российским законам тяжким преступлением считалось и детоубийство: за предумышленное умерщвление своего ребенка виновная «лишалась прав состоя-

ния» и ссылалась на каторжные работы (ст. 31, 1450, 1451, 1460) (Уложение о наказаниях 1892: 47, 567, 572, 573). К детоубийству относилось и оставление родившегося ребенка без помощи, повлекшее его смерть. В этом случае также предусматривалось уголовное наказание (Уложение о наказаниях 1892: 572–573). Среди мотивов детоубийства сами обвиняемые в первую очередь называли страх и стыд перед родителями, родственниками и односельчанами (ГАКО. Д. 2051. Л. 3, Д. 3147. Л. 62). К такому преступлению могла подтолкнуть родная бабка из желания любым способом облегчить участь своей незамужней внучки, освободить ее от стыда, позора, насмешек соседей и хлопот с нежелательным потомством (*Тарновская* 1902: 171–172). В этих действиях проявляются глубоко укоренившиеся в сознании русского крестьянства традиционные культурные стереотипы в отношении норм поведения в интимных отношениях. Можно представить, какое отчаяние овладевало виновными, которым грозили «позорящие наказания»: женщин могли выставить голыми на публичное осмеяние, вымазать ворота во двор дегтем и др. Большую роль играли экономические соображения: с ребенком значительно сужались возможности устроиться на заработки. Среди мотивов преступления виновные также указывали: уверенность в том, что ребенок родится мертвым; свое беспамятство, бессознательное состояние (ГАКО. Д. 3147). Однако два последних с медицинской точки зрения не заслуживали доверия (*Линденберг* 1910: 37–38; *Гернет* 1911: 117, 120–121).

Если в дореформенной России детоубийство было сравнительно редким явлением (*Мионов* 2000. Т. 1: 201), то после отмены крепостного права число таких преступлений возросло (*Любавский* 1863: 21–22; *Таганцев* 1868: 260; *Фойницкий* 1893. № 2: 133, № 3: 115). Имеющаяся статистика детоубийств далека от полноты, но все же позволяет сделать некоторые выводы. Подавляющее большинство обвиняемых относилось к категории незамужних женщин – до 92%, доля преступниц моложе 26 лет достигала 75%, рожавших в первый раз – превышала 59; процент принадлежавших крестьянскому сословию составлял более 83, неимущих – более 90; доля неграмотных – 96% (*Линденберг* 1910: 53–54); на крестьянство приходилось около 80% всех сосланных за детоубийство (*Остроумов* 1960: 54). Эти данные согласуются с опубликованными в «Итогах русской уголовной статистики» за 1874–1894 гг.: среди осужденных за детоубийство незамужних женщин было почти в 10 раз больше, чем состоявших в браке (*Тарновский* 1899: 157). В 1897–1906 гг. 73,6% таких преступлений приходилось на незамужних женщин, 16,8 – на замужних и 9,6 – на вдов. Это сильно отличается от распределения по семейному положению женщин в целом, осужденных за все виды преступлений: 42,2% – незамужние, 46,6% – состоящие в браке, 12,9% – вдовы и 0,3% – разведенные (*Гернет* 1911: 117, 120–121, 154, 156). Окружные суды при рассмотрении дел о детоубийствах принимали во внимание неопытность молодой первый раз родившей девушки, ее душевную неуравновешенность, стыд и страх перед родственниками, бедность, обман со стороны мужчины и старались выносить оправдательные приговоры, а суровые наказания заменять более мягкими (*Давыдов* 1906: 38–39; *Михель Д., Михель И.* 2012: 120). Если традиционно местами легитимных родов чаще всего являлись дом и баня, а когда это случалось во время работы – поле или лес, то незаконного ребенка, помимо указанных мест, рожали в хлеве, сарае, в сенях, на чердаке, в отхожем месте, на берегу реки или озера, в пути – на снегу и т.д. Столь же широко варьировалось и место сокрытия трупа: хлев, сарай, огород, отхожее место, лес, кладбище, поле, река,

болото; труп относили к любовнику и т.д. (*Линденберг* 1910: 29–31). Детоубийство совершали не только сами роженицы, но и их матери, и женщины, занимавшиеся этим за деньги. Огромное количество примеров детоубийства приводит в своей книге П.Н. Тарновская (*Тарновская* 1902).

Другим распространенным женским преступлением являлись поджоги. Таким образом женщины изливали накопившуюся на сердце злобу, мстили за жестокое обращение мужа, за неверность любовника. Поджигали дома соперницы, мужа, жена, изменившего данному невесте слову; обманутая невеста – дом разлучницы. В отличие от женщин мужчины гнушались таких действий, и не будь мальчиков (составлявших большую часть сосланных за поджоги мужчин) в ряду совершивших такого рода преступления – их можно было бы назвать почти исключительно женскими (*Максимов* 1869: 115; НГВ. 1880. № 3: 20, № 44: 372). В архивах имеется большое количество судебных дел о поджогах, совершенных крестьянками (РГИА. Д. 7825), есть и такие, где виновницами были малолетние девочки (РГИА. Д. 7825; НГВ. 1883. № 42: 325). По данным уголовной статистики на крестьянок приходилось почти 3/4 всех отравлений, убийств, поджогов и других тяжких преступлений, совершенных женщинами всех сословий (*Фойницкий* 1893. № 3: 132–133).

Если сравнить структуру мужской и женской преступности (в зависимости от возраста), то можно отметить следующее: в категории 14–21 лет преступность росла быстрее у женщин; в категории 21–40 лет перевес был на стороне мужчин – мужская преступность преобладала; после 40 лет и до глубокой старости доминировала женская преступность. Вызывает удивление высокий уровень поджогов среди девочек до 14 лет – 8,1% (от всех женщин-преступниц), тогда как на мальчиков того же возраста приходилось 4,1% (от всех мужчин-преступников). Еще больше различалось участие девочек и мальчиков в мошенничестве (1,3% и 0,1% соответственно) (*Фойницкий* 1893. № 3: 135).

Если брать возраст от 14 лет до 21 года, соотношение женской и мужской преступности менялось в зависимости от вида преступления. Мужчины имели большую долю в таком деянии как убийство родителей – 32,2% против 22,2 у женщин. Ниже была причастность последних и к мошенничеству (4,1%), оскорблению власти (4,6%), прелюбодеянию (6,5%). Имелись виды преступлений, в которых участие мужчин и женщин было сопоставимым: покушение на убийство (женщины – 35,5, мужчины – 31,3%), кражи (15,7 и 11,5% соответственно). В других случаях значительный перевес был за женщинами: преступления против нравственности (женщины – 35,8, мужчины – 10,8%), убийства супругов и родственников (25,3 и 14,1%), отравления (19,3 и 13,7%), кровосмешение (16,7 и 3,7%). Большая доля женских преступлений приходилась на домашние кражи (29,9%).

Динамика женской преступности менялась с возрастом: в категории 21–25 лет максимального уровня достигали преступления против нравственности, детоубийства, убийства супругов и родственников; в средних возрастных категориях отмечалось снижение уровня преступности в целом, но все еще высоким оставалась доля разного вида убийств, телесных повреждений, прелюбодеяний и кровосмешений; в возрасте 35–40 лет максимум приходился на мелкие кражи и мошенничество, в 40–45 лет – на религиозные преступления, кражи и поджоги. В среднем возрасте у женщин значительно сокращалось число детоубийств, прелюбодеяний и кровосмешений (тогда как последние у мужчин достигали максимума и держались на этом

уровне до самой старости). После 45 лет (до самого преклонного возраста) у женщин преобладали преступления, совершенные в сиюминутном порыве, спровоцированные эмоциональным всплеском: оскорбления власти, убийства, отравления, телесные повреждения, поджоги, религиозные преступления (*Фойницкий* 1893. № 3: 135–136). Здесь не рассматриваются такие действия, как уход на заработки без паспорта и бродяжничество, которые считались преступными по официальному законодательству; отметим, что отношение государства к этим деяниям постепенно менялось в сторону смягчения.

Эмансипация привела к изменению ценностных ориентаций в крестьянской среде. Вся атмосфера жизни пореформенного периода была насыщена идеями обогащения, достижения материального благополучия. Уровень преступности был напрямую связан с экономическим положением деревни. Годы подъема цен (1881–1882, 1893, 1907), также как и годы их падения (1883, 1888, 1894, 1895, 1900–1901), сопровождались соответствующими изменениями кривой уровня преступности. Наивысшего своего значения этот показатель достиг в голодные 1891 и 1892 гг. Так, в Московской губ. отмечена четкая корреляция между годами неурожая и повышением преступности. В 33 губерниях Европейской России число краж находилось в прямой зависимости от цен на хлеб (*Гернет* 1974а: 274–275).

Идеология пореформенного периода предполагала стремление к тому, чтобы не просто разбогатеть, а разбогатеть быстро и тем самым сразу выйти из нищеты и прозябания. Сложность этого времени заключалась и в сплетении в один клубок старых патриархальных и новых модернизационных установок. Традиционный уклад обусловил несвободу, неравноправие, угнетенность женщин, крайнюю нетерпимость общественного мнения к нарушению ими установленных канонов поведения. Модернизационные процессы, как и всякие резкие перемены, воспринимались весьма болезненно, они вели к разрушению привычного образа жизни, морально-этических норм, к резкому обострению экономических проблем. Женщины были особенно уязвимы, и негативные тенденции пореформенного периода сказывались на них наиболее остро, доводя их до крайности. На жизнь крестьян в это время серьезное влияние оказывали такие факторы, как бедность и социальные потрясения, сопровождавшиеся лавиной культурных изменений, а также маргинальное положение значительной части женщин. Все это создавало питательную почву для криминальных явлений. Крестьянка предстает уже в ином, может быть, несколько неожиданном ракурсе. Теперь она – не только бесправное, забитое, униженное, неразвитое существо, но и жестокая убийца, хищница, мошенница, проявляющая недюжинный ум и изобретательность при планировании, совершении и сокрытии преступлений. Она порой, сама оставаясь в стороне, могла вдохновлять и толкать на преступления мужчин, могла совершать самые злостные деяния со всей страстью своей души, могла с рыданиями и болью в сердце, а иногда обдуманно и хладнокровно лишить жизни своего ребенка.

Источники и материалы

- Библиография 1889 – Библиография // Этнографическое обозрение. 1889. № 1. С. 136–171.
ГАКО – Государственный архив Курской области (ГАКО). Фонд Курского окружного суда. Ф. 32. Оп. 1.
НГВ – Нижегородские губернские ведомости (НГВ). 1880; 1883; 1892.
РГИА – Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд Министерства юстиции. Ф. 1405. Оп. 108.

Уложение о наказаниях 1892 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Изд-во Н.С. Таганцева, 1892.

Научная литература

- Антипов В.* Суеверные средства, употребляемые крестьянами для открытия преступлений и преступников // *Живая старина*. 1905. Вып. 3–4. С. 552–555.
- Астров П.И.* Об участии сверхъестественной силы в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии // *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.)*. Вып. 1 / под ред. Н. Харузина. М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1889. С. 130–149.
- Балов А.В.* Санитарные недочеты нашей деревни // *Русская мысль*. 1903. № 1. С. 16–33.
- Баранов Д.А., Коновалов А.В.* (ред.). Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1–7. СПб.: ООО «Деловая книга», 2004–2011.
- Белогриц-Котляревский А.С.* Творческая сила обычая в уголовном праве. Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1890.
- Бобров Д.* По поводу бабьих стонов // *Юридический вестник*. 1885. № 10. С. 318–322.
- Весин Л.* Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // *Русская мысль*. 1891. № 10. С. 37–65.
- Виноградова Л.Н.* Гадания // *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Т. 1 / Общ. ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995. С. 482–486.
- Гернет М.Н.* Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: Типография Императорского Московского ун-та, 1911.
- Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества // *Гернет М.Н.* Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974а. С. 202–357.
- Гернет М.Н.* Общественные причины преступности // *Гернет М.Н.* Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974б. С. 38–201.
- Давыдов К.В.* Женщина перед уголовным судом. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1906.
- Капустин М.Я.* Задачи гигиены в сельской России // *Русская мысль*. 1902. № 5. С. 1–27.
- Крюкова С.С.* Русский крестьянин и вещественный мир его правосудия (вторая половина XIX в.) // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 3. С. 129–146.
- Линденберг В.* Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании в Витебской губернии (по данным Витебского Окружного Суда за десять лет, 1897–1906). Дис. на соискание степени доктора медицины. Юрьев: Типография К. Матисева, 1910.
- Любавский А.* О детоубийстве // *Юридический вестник*. 1863. Вып. 37. № 7. С. 1–29.
- Максимов С.* Народные преступления и несчастья // *Отечественные записки*. 1869. № 1. С. 1–62; № 3. С. 79–118.
- Миронов Б.Н.* Преступность в России в XIX – начале XX века // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 24–42.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Михель Д., Михель И.* Инфантицид глазами образованного российского общества второй половины XIX – начала XX в. // *Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.)* / ред. и сост. М.Г. Муравьева, Н.Л. Пушкарева. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 105–141.
- Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во МГУ, 1960.
- Ратов М.* Женщина перед судом присяжных (мысли и факты). М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1899.
- Таганцев Н.* О детоубийстве: опыт комментария 2 ч. 1451 и 1 ч. 1460 ст. Уложения о наказаниях // *Журнал Министерства юстиции*. 1868. Т. 36. С. 300.

- Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. СПб.: Товарищество Художественной печати, 1902.
- Тарновский Е.Н. (сост.) Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). СПб.: Типография Правительствующего сената, 1899.
- Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск: Тип. Л.И. Итина и К°, 1907.
- Титов А.А. Юридические обычаи села Никола-Перевоз Сулотской волости, Ростовского уезда. Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1888.
- Толстой Н.И. Грех // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 1 / ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995. С. 544–545.
- Фирсов Б.М., Киселева И.Г. (авт.-сост.) Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии). СПб.: Изд-во Европейского дома, 1993.
- Фойницкий И.Я. Женщина-преступница // Северный вестник: журнал литературно-научный и политический. 1893. № 2. С. 123–144; № 3. С. 111–140.
- Emsley C., Knaffa L. (eds.) *Crime History and History of Crime: Studies in the Historiography of Crime and Criminal Justice in Modern History*. Westport: Greenwood Press, 1996.

References

- Antipov, V. 1905. Suevernye sredstva, upotrebliaemye krest'ianami dlia otkrytiia prestuplenii i prestupnikov [Superstitious Methods Used by Peasants for Crime Investigation and Criminal Detection]. *Zhivaia starina* 3–4: 552–555.
- Astrov, P.I. 1889. Ob uchastii sverkh'estestvennoi sily v narodnom sudoproizvodstve krest'ian Elatmского uезда Tambovskoi gubernii [Supernatural Power's Role in Peasant Public Proceedings in Elatamosk County Tambov Province]. In *Sbornik svedenii dlia izucheniia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii (obychnoe pravo, obriady, verovaniia i pr.)* [Collection of Information to Study the Life of the Peasant Population of Russia (Customary Law, Rituals, Beliefs and So On)], edited by N. Kharuzin, 1: 130–149. Moscow: Tip. A. Levenson i Ko.
- Balov, A.V. 1903. Sanitarnye nedochety nashei derevni [Sanitary Limitations of Our Village]. *Russkaia mysl'* 1: 16–33.
- Baranov, D.A., and A.V. Konovalov, eds. 2004–2011. *Russkie krest'iane. Zhizn'. Byt. Nrvy: materialy "Etnograficheskogo biuro" kniazia V.N. Tenisheva. T. 1–7* [Russian Peasants. Their Everyday Life and Morals, vols. 1–7]. St. Petersburg: Delovaia kniga.
- Belogrits-Kotliarevskii, A.S. 1890. *Tvorcheskaia sila obychaia v ugovnom prave* [Creative Force of Custom in Criminal Law]. Yaroslavl': Tipo-litografiia G. Fal'k.
- Bobrov, D. 1885. Po povodu bab'ikh stonov [About Moaning Women]. *Yuridicheskii vestnik* 10: 318–322.
- Davydov, K.V. 1906. *Zhenshchina pered ugovnym sudom* [Woman in front of a Criminal Court]. Moscow: Tovarishchestvo I.D. Sytina.
- Emsley, C., and L. Knaffa, eds. 1996. *Crime History and History of Crime: Studies in the Historiography of Crime and Criminal Justice in Modern History*. Westport: Greenwood Press.
- Firsov, B.M., and I.G. Kiseleva, eds. 1993. *Byt velikorusskikh krest'ian-zemlepahtsev. Opisanie materialov etnograficheskogo biuro kniazia V.N. Tenisheva (na primere Vladimirskoi gubernii)* [The Everyday Life of Great-Peasant Cultivators. Description of Materials of the Prince V.N. Tenishev Ethnographic Office (Based On an Example of the Vladimir Province)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo doma.
- Foinitskii, I.Ya. 1893. Zhenshchina-prestupnitsa [Female Criminal]. *Severnyi vestnik: zhurnal literaturno-nauchnyi i politicheskii* 2: 123–144, 3: 111–140.
- Gernet, M.N. 1911. *Detoubiistvo. Sotsiologicheskoe i sravnitel'no-iuridicheskoe issledovanie* [Infanticide: Sociological and Comparative Legal Research]. Moscow: Tipografiia Imperatorskogo Moscovskogo universiteta.
- Gernet, M.N. 1974. Obshchestvennye prichiny prestupnosti [Social Causes of Crime]. In *Izbrannye*

- proizvedeniia* [Selected Works], by M.N. Gernet, 38–201. Moscow: Yuridicheskaiia literatura.
- Gernet, M.N. 1974. Prestuplenie i bor'ba s nim v sviazi s evoliutsiei obshchestva [The Crime and the Fight Against It in Connection with the Evolution of Society]. In *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], by M.N. Gernet, 202–357. Moscow: Yuridicheskaiia literatura.
- Kapustin, M.Ya. 1902. Zadachi gigieny v sel'skoi Rossii [Problems of Hygiene in Rural Russia]. *Russkaia mysl'* 5: 1–27.
- Kriukova, S.S. 2012. Russkii krest'ianin i veshchestvennyi mir ego pravosudiia (vtoraia polovina XIX v.) [Russian Peasant and the Real World of His Justice (The Second Half of 19th Century)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 129–146.
- Lindenberg, V. 1910. Materialy k voprosu detoubiistv i plodolzhnaniu v Vitebskoi gubernii (po dannym Vitebskogo Okruzhnogo Suda za desiat' let, 1897–1906) [Materials on the Issue of Infanticide and Abortions in Vitebsk Province (According to the Vitebsk District Court for Ten Years, 1897–1906)]. PhD. diss. Yur'ev: Tipografiia K. Mattiseva.
- Liubavskii, A. 1863. O detoubiistve [Infanticide]. *Yuridicheskii vestnik* 7: 1–29.
- Maksimov, S. 1869. Narodnye prestupleniia i neschast'ia [National Crime and Misfortune]. *Otechestvennye zapiski* 1: 1–62; 3: 79–118.
- Mikhel, D., and I. Mikhel. 2012. Infantsid glazami obrazovannogo rossiiskogo obshchestva vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Infanticide from the Point of View of Educated Russian Society in the Second Part of the 19th – First Part of the 20th Century]. In *Bytovoe nasilie v istorii rossiiskoi povsednevnosti (XI–XXI vv.)* [Domestic Violence in the Daily Life History of Russian (XI–XXI Centuries)], edited by M.G. Muraveva and N.L. Pushkareva, 105–141. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Mironov, B.N. 1998. Prestupnost' v Rossii v XIX – nachale XX veka [Crime in Russia in the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Otechestvennaia istoriia* 1: 24–42.
- Mironov, B.N. 2000. *Sotsial'naia istoriia Rossii*. 2 vols. [Social History of Russia]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Ostroumov, S.S. 1960. *Prestupnost' i ee prichiny v dorevoliutsionnoi Rossii* [Crime and Its Causes in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Ratov, M. 1899. *Zhenshchina pered sudom prisiazhnykh (mysli i fakty)* [Woman before a Jury Trial (Thoughts and Facts)]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova.
- Tagantsev, N. 1868. O detoubiistve: opyt kommentariia 2 ch. 1451 i 1 ch. 1460 st. Ulozheniia o nakazaniiaakh [Infanticide: Previous Comments 2 Part of Clause 1451 and 1 Part of Clause 1460: The Order for Penal Code]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* 36: 300.
- Tarnovskaia, P.N. 1902. *Zhenshchiny-ubiitsy* [Female Killers]. St. Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pečhati.
- Tarnovskii, E.N., ed. 1899. *Itogi russkoi ugolovnoi statistiki za 20 let (1874–1894 gg.)* [Results of Russian Criminal Statistics for 20 Years (1874–1894)]. St. Petersburg: Tipografiia Pravitel'stva vviushchego senata.
- Tenishev, V.V. 1907. *Pravosudie v russkom krest'ianskom bytu* [Justice in the Russian Peasant Life]. Briansk: Tipografiia L.I. Itina i K°.
- Titov, A.A. 1888. *Yuridicheskie obychai sela Nikola-Perevoz Sulotskoi volosti, Rostovskogo uezda* [Legal Customs of Nikola-Perevoz Village, Sulotskaya Volost, Rostov District]. Yaroslavl': Tipografiia Gubernskoi Zemskoi Upravy.
- Tolstoi, N.I. 1995. Grekh [Sin]. In *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary], edited by N.I. Tolstoi, 1: 544–545. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Vesin, L. 1891. Sovremennyi velikorus v ego svadebnykh obychaiakh i semeinoi zhizni [Modern Russian Wedding Traditions and Family Life]. *Russkaia mysl'* 10: 37–65.
- Vinogradova, L.N. 1995. Gadaniia [Divinations]. In *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary], edited by N.I. Tolstoi, 1: 482–486. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Z.Z. Mukhina. Female Peasant Crime in Russia (Second half of the 19th – early 20th centuries)

The article is devoted to the main features of female peasant crime during the post-reform period in Russia. The importance of this problem flows from the parallels between the current state of Russian society, which still retains some transformed peasant values and mentality, and the state of society at the boundary of XIX– XX centuries. The role of a woman in peasant life was as significant as the role of a man. The radical changes in the country in the post-reform period appear in a new light through the perspective of the female deviant behaviour, which contributes to a better understanding of Russia's past and its impact on the present.

Key words: *peasant women, custom law, formal legislation, female criminal*